

П Р О З А

Юрий БОРОДКИН

Родился в 1937 году в Нижнем Новгороде. Детские и школьные годы прошли в деревне Афонино Парфеньевского района Костромской области. После окончания Литературного института работал заведующим редакцией художественной литературы Верхне-Волжского книжного издательства.

Автор ряда сборников повестей и рассказов о деревне, а также романов «Кологривский волок» и «Поклонись роднику». Роман «Кологривский волок» был отмечен первой премией ВЦСПС и Союза писателей СССР. Основная тема творчества Юрия Бородкина — судьбы земляков, обыкновенных людей — землепашцев, плотников, кузнецов.

Более двадцати лет возглавлял ярославскую писательскую организацию. За литературную работу награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В 2010 году вышел первый стихотворный сборник автора — «Эпилог».

Член Союза писателей России. Живет и работает в Ярославле.

Третьего не миновать

Повесть

1.

Полет на вертолете кажется безопасным: медленный, невысокий, одно плохо — грохот такой, что невозможно разговаривать, приходится молча посматривать на плывущую внизу тайгу или лесотундру, замечать, как змейкой проползет по ней река или блеснет очередное озерко: ничего другого здесь нет, потому что нет никаких признаков жилья.

Для Паши Трошина, проработавшего несколько лет вахтовым способом в Северо-Западной Сибири, такие полеты были не в новинку, даже стали чем-то обыденным, как говорится, трясет да везет. Так было и на этот раз, но случилась ужасная катастрофа, какими печально известна авиационная статистика последних лет: вертолет начало болтать из стороны в сторону, сильно затрясло и накренило, последовал гибельный удар о землю. Страшно даже вспоминать об этом. Очухался, ощупал себя, как бы убеждаясь, что руки-ноги целы: от удара заплыл глаз, боль сковывала левый бок и плечо, как потом оказалось, сломал два ребра, повредил ключицу. Поднявшись на ноги, стоял в каком-то тупом недоумении, как оглушенный, с опаской осматривал место крушения в надежде, не очнется ли кто-нибудь еще. Заметил, как пошевелился моторист Костя Смольников, добродушный весельчак, ловко игравший на гитаре. Обрадованно склонился над ним:

— Костя, что с тобой? — спросил умирающего, не зная, чем помочь ему.

Тот что-то прошелестел побелевшими губами и отвел безразличный взгляд, уставившись куда-то в небо. Так и застыл с густо потемневшей на виске и в волосах кровью.

Из девяти человек, находившихся на борту, каким-то чудом остался в живых только он, Паша Трошин, и то покалеченный. Трудно было поверить в гибель всей бригады: еще утром обыденно разговаривали, подшучивали друг над другом, и вот — безжизненные трупы среди обломков вертолета. Едкий запах гари и тишина над роковым местом, такого и в кошмарном сне не привидится. «Боже мой!.. Боже мой!» — испуганно шептал он, вспомнив в ужасную минуту о Боге.

Приближался вечер. Идти куда-то не имело смысла, это означало бы верную смерть. Остаться на месте было жутко, но необходимо. Рядом с погибшими товарищами, в этой глухомани, где на сотни километров нет ни одной живой души, предстояло провести ночь, казавшуюся вечностью. Одно спасение — костерок.

С замиранием сердца прислушивался и вглядывался в темноту, прижимаясь спиной к ели и стараясь не шевелиться. «Хоть бы дерево было потолще», — опасливо думал он, как будто сзади его мог кто-то схватить за плечи. Мертвых бригадников не воскресишь, но, если бы теперь, в ночи, кто-то из них вдруг очнулся и заговорил, Паша похолодел бы от ужаса.

«А что, если меня не найдут? — пугал он себя еще пуще. — Тогда уж лучше бы разбиться вместе с другими, чем медленно подыхать в этой глухомани... Господи, спаси! Господи, помоги!» — бормотал он про себя, боясь оторваться от ненадежно защищающего дерева. Хорошо, что до темноты успел собрать сухарник и теперь экономно подкидывал его в костерок. За его пляшущим огнем все чудилось какое-то угрожающее движение, будто кто-то наблюдал за ним. Не зря сказано, лес видит, а поле слышит.

Совсем некстати вспомнился мрачный анекдот: тот же Костя Смольников рассказывал его. Идет мужик ночью мимо кладбища, смотрит, стоит человек. Этот, второй, спрашивает:

— Что, приятель, боишься покойников?

— Еще бы!

— А чего нас бояться-то? — был ошеломляющий ответ.

Тогда хохотали над черным юмором, теперь было не до смеха. Сердце опустилось, он застыл в неподвижности, когда что-то приглушенно хрустнуло в непроглядной темени. Почему-то боялся не зверя, а неведомой нечистой силы, да и как не бояться, если она неодолима? «Будет ли конец этой ночи? Скоро ли рассветет?» — тоскливо думал он.

Когда развиднелось, поуспокоился, обошел место катастрофы, задержался возле мастера Василия Зыкова, лежавшего ничком, словно не веря, что он погиб: здоров был мужик, говаривал: «Если на столе одна бутылка, то мне тут делать нечего».

Летчик, красивый кудрявый парень, выпал из кабины. Трошин откинул обломок винтовой лопасти — лицо разбито в кровь. На одном из погибших заметил сумочку, какие

носят на поясе, и вдруг его потревожила робкая мысль, которая вчера не могла прийти в голову: «А ведь у них должны быть деньжонки! В любом случае они пропадут: прилетят милиционеры, эмчээсовцы, повывернут карманы... Свидетелей здесь нет», — уговаривал он себя.

Надо сказать, Паша Трошин был обыкновенным мужиком, которого не заподозришь в чем-то неблаговидном, все же сумел устоять перед искушением, хотя и силен нынче бес, приспособившийся соблазнять людей деньгами. «Руки отмыть можно, а совесть не отмоешь», — остерег он себя...

Пережитое останется в памяти на всю жизнь. Ужас катастрофы, кошмарная ночь — это ли не испытания для человека? «Почему же именно меня сохранил Господь, тогда как остальные приняли смерть?» — не раз спрашивал себя Трошин, усматривая в этом везении мистический смысл. В ту роковую ночь многое он передумал и переосмыслил, без сомнений поверив в Бога, и как было не поверить, если некого было призвать на помощь, кроме Его? Решил непременно креститься и исполнил свое намерение.

Специально съездил из города в Сельцо, где под замком стоял родительский дом. В Сельце был знакомый священник, отец Михаил, служивший в здешней церковке в новое время. Он совершил привычный обряд, благо, теперь не надо было ни от кого таиться. Велел прочитать по молитвеннику символ веры, после чего, освящая воду в купели, заметил:

— Взрослых можно и прямо в реке крестить. Святой Владимир крестил киевлян скопом в Днепре, и сам Иисус крестился в Иордане.

Но к реке не пошли, хотя она протекала рядом под горой. Отец Михаил только покропил Пашу водой со словами: «Крещается раб Божий Павел. Во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святого Духа, аминь». Троекратно обвел со свечами вокруг купели и надел приготовленные крестик и белую рубашку.

— Спасибо, отче, — промолвил Трошин.

— Благодарить надо Отца небесного.

С легким чувством перерождения вышел Трошин на улицу, как будто оставив за порогом паперти все грехи и ошибки прошлого. Разглядывал и поправлял серебряный крестик, веря в его чудодейственную охранительную силу. Встречные сельчане приветливо здоровались, словно разделяя его настроение.

Остановился перед домом, поразглядывал его: небольшой, в три окна по фасаду, но родной и уютный. Еще постоит под хорошей-то крышей, а матери пришлось помучаться при старой драночной, протекавшей в последние годы. И все же славно было приезжать в Сельцо во время отпуска с женой и сыном, который оставался у бабушки на лето. В доме все было обихожено женской рукой, пахло пирогами (больше уже не поешь такой пышной ватрушки или черничника со свежими ягодами).

Для матери самой большой радостью и утешением в ее неудавшейся жизни были его, Пашины, приезды. Из-за своей сломанной судьбы пристрастилась она к выпивке, и три года назад ее похоронили.

Про отца особый сказ, поскольку Паша был пригульным ребенком. Что это означало для него и для матери, знает любой деревенский житель: как будто запятнаны на всю жизнь.

2.

Надо было устраиваться на работу. Образование у Паши не ахти, потому что трудно было деревенскому парню приживаться в городе среди чужих людей.

Есть в городе завокзальная улица со странным названием Вспольинское Поле, где в советское время размещались торговые базы, переоборудованные нынче в магазины различных стройматериалов. В одну из таких торгующих организаций и приняли Пашу по сути грузчиком: привезли рубероид, кровельный лист, древоплиту — надо разгрузить, отпустили что-то покупателю — надо погрузить, а платить нынешние хозяева метят поменьше.

Пошел на завод. Взяли только в литейку. Что это такое, объяснять не надо: пыль, грязь, жара, но хоть заработок приличный. И тут не повезло, потому что на другой же год начались разговоры про кризис и увольнения, вскоре завод вообще приостановил работу.

Ему казалось, город отторгает его. С детства он чувствовал как бы отчужденность от своих сверстников, у которых были благополучные семьи, и теперь в нем сохранилась какая-то настороженность по отношению к людям, иногда доходящая до скрытой враждебности к ним: вы модно одеваетесь, ездите в дорогих машинах, зато я презираю вас. Средств для установления справедливости у него не было, даже выпивка только угнетала.

Помыкавшись без дела, доложил о своем решении за ужином:

— Поеду в Сельцо, Торопов даст какую-нибудь работу: все-таки дальняя родня он нам.

— Не надоело тебе мотаться туда-сюда? И так доездишь до беды, — упрекнула жена Галя. — Поищи здесь что-нибудь.

— Чего теперь найдешь? Везде — безработные.

— Давай, папа, поживи в деревне: можно будет приехать к тебе в любое время, — не совсем всерьез высказался сын Витя. Он парень уже взрослый, самостоятельный, работает водителем на «Газели». На такой работе надо быть трезвым, он и не тянется к водке — молодец.

— Витя, ты еще не подначивай! — обиделась Галя. — Живем не пойми как: один здесь, другой где-то. Надоело!

— Сельцо — это не Сибирь, всего три часа езды, — уговаривал Паша не столько жену, сколько себя. — Потребуется, наведаюсь домой.

В середине лета, когда деревня так манит к себе, неторопливый местный поезд понес его в родную сторону. Дорога хорошо знакомая, каждый год стучал по ней туда-сюда, особенно, когда жива была мать. Как всегда, ехал в приподнятом настроении, за окном поезда простирались заволжские леса, откосы и опушки радовали густой зеленью, разноцветьем, мелькали таинственные извилистые речки. И, конечно, была надежда, что у себя в селе он всегда найдет поддержку.

От станции пазик катился сначала по асфальту, потом с характерным подвывом по гравийному большаку, и вот оно, спрятанное в лесах Сельцо, с маленькой церковкой, с березами возле нее.

По лесенке поднялся в прохладную избу, где мало что изменилось после матери, только постель была незастлана да пахло отсыревшей печью. Бросив посреди избы рюкзак и сумку, сразу затопил печь, и, когда полешки по-настоящему взялись, начали потрескивать, стало как-то охотней находиться в ожившей избе.

Паша Трошин неприхотлив, рос без отца, в армии служил на границе, потом — эти поездки в Сибирь, а здесь — дом родной. Достал из комода будильник, пусть тикает, оживляет тишину. Ожидая, когда накопится тепло, с чувством полной свободы выпил стопку водки и вышел обкосить возле крыльца, и, хоть трава была высока и неподатлива, в охотку помахал косой. Теперь можно было посидеть на лавочке.

Над дровяным навесом, в густой черемухе, попискивали птицы, в заулке, как обычно, садилось солнце, слышно было, как скрипел колодезный ворот. Так было с тех пор, как Трошин помнил себя, и эта обыденность вселяла спокойствие, как будто все главное в жизни уже было пройдено. Но разве возможно такое в сорок пять лет?

Размышления прервал своим появлением Вася Гаврилов, живущий через улицу: приостановился в калитке с торжествующей улыбкой и разведенными руками, словно дождался счастливой встречи с близким родственником. Спецовка на нем линиялая, кепочка мягая, щетинка искрится инеем, пластмассовые тапочки — на босую ногу. Поопустился, а ведь был исправным механизатором, бывало, в районке про него писали. Он лет на десять старше, но для односельчан разница в возрасте не имеет большого значения.

— О-о, кого вижу! С прибытием, Паша! Здравствуй, дорогой!

— Спасибо, Вася!

Хлопнули по рукам, даже приобнялись, потоптались на скошенном в обоюдном душевном порыве.

— Смотрю, дым поднялся из трубы, ну, думаю, значит, Паша явился. Надолго ли?

— Как получится: работу буду просить у Торопова.

— А что, в городе не найти?

— Трудно. Надоело тыкаться куда попало.

— У нас того хуже, совхоз закрылся, все развалилось, — махнул рукой Гаврилов. — Дай сигаретку.

Закурили. Сосед, как бы озадаченно, помаргивал, наморщив под козырьком кепочки лоб.

— Да-а, дела нынче — табак, что ни включишь радио — только и слышишь: кризис, кризис... — заключил он. — Мне, к примеру, непонятно, что это такое? Как работали, так и работайте, нет — останавливают заводы и прочее.

— Чего тут понимать? В зависимость к Америке попали — вот и вся причина. Одно слово — капитализм, — просто объяснил Трошин. — Ладно, Вася, это не нашего ума дело, пойдем-ка лучше примем по стопочке за приезд.

— Кто бы возражал! — прихлопнул в ладони ободрившийся Гаврилов.

Потопали в избу. На столе появилась банка скумбрии и кусок колбасы: много ли надо двум мужикам? С удовольствием звякнули стопками.

— Вот такая наша жизнь, Паша, — продолжал Гаврилов. — Не нужны мы стали государству.

— Это верно. Сам-то где теперь?

— Да так, перебиваюсь шабашками: кому крышу покрою, кому баньку соберу, научился и печки класть. А ведь я технику знал, как свои пять пальцев, — высказал он сожаление. — И трактора, и машины растащили в короткую пору — все прахом пошло. Я считаю, вредительство было. Как же иначе? Смотри, коровник пустой стоит: разве не безобразия?

Трошин с пониманием кивал, он помнил, как Вася Гаврилов добросовестно работал в совхозе, бывало, каждый день в семь утра, хоть часы проверяй, запускал свой трактор, стоявший по ночам возле дома.

— Значит, в Сибири ты после той аварии не бывал?

— Нет. Хватит с меня одного такого предупреждения.

— Однако повезло тебе. Вчуже страшно от того, что ты рассказывал. Я в жизни не летал и не полечу, слава Богу. У нас тоже, считай, тайга: много ли деревень осталось? Все поросло лесом. Не зря Торопов гонит пиломатериалы, он теперь всем тут распоряжается, может быть, и примет тебя, поскольку вы какая-то родня. Я работал у него, да как-то выпимши поругался, назвал его хапугой...

Гаврилов поразглядывал фотоснимки в рамке на простенке, принялся рассуждать:

— Тетя Нюра как живая! Это она под окнами снималась. У нас с ней всегда было уважение, ты сам знаешь. Привезу сено или дрова, поставит, конечно, бутылку и сама со мной выпьет, а денег с нее никогда не брал... А это — дедушка Миша совсем молодой, еще

до фронта, видать, в городе снимался. Нет, на него ты не похож, ты пошел в Кузнецовых, в тебе — больше баткиного, у того, помоложе-то был, тоже волосы немного вились. На днях видел его, вместе ехали в автобусе.

— Постарел, наверно?

— Да не сказать, что сильно. Везет сумку провизии да пачку вошины: улы держит. Дом у него в Будилове — на заглядение, пятистенок. Да ты, наверно, бывал?

— В детстве, по глупости, заходил, — помрачнел Трошин. — У меня, считай, нет отца.

— Конечно, грех на нем на всю жизнь... Ладно, Паша, не будем ворошить старое. Обычай дорогой — выпить по второй!

Быть в соседях — быть в беседах. Потолковали про житье-бытье, проводил Трошин гостя и долго еще сидел в сумерках у крыльца, думал о матери, о своем детстве. Деда, погибшего на войне, он не знал, с благодарностью вспоминалась бабка Сима, немногословная, добрая. Бывало, прибежит он с гуляния весь в снегу, она терпеливо развесит одежду над челом печи и скажет:

— Полезай-ка погрейся.

Хорошо на печке после морозной улицы, не заметишь, как потянет в сон.

Мать могла бы еще пожить, и как славно было бы им сейчас вдвоем! Отец, Кузнецов Иван Федорович, жив, но у него своя семья. Паша с ним не знается, ему даже фамилию записали по матери.

В кармане зазвенел телефон, звонил Витя:

— Привет, пап! Ты чего? Обещал позвонить, как доедешь, и помалкиваешь. Деньги экономишь?

— Да нет, просто не успел.

— Как доехал?

— Нормально. Протопил печку, сижу у крыльца. Красота! — с оптимизмом ответил Трошин.

— Представляю... А я только с работы пришел, ездил в Иваново, и вот звоню. От мамы тебе привет.

— Все у меня в порядке, не беспокойтесь.

«В самом деле, не где-нибудь нахожусь, а в родном Сельце, в своем доме», — согласился с собой Трошин, глядя на успокаивающий разлив зари.

Не хотелось уходить с улицы. Вот уж и луна выкатилась из-за крыши соседнего дома, как будто любопытно ей было увидеть Пашу, сидящего на лавочке, и она его заинтересовала, подумалось: «Почему она так блестит? Ведь, говорят, там пыль какая-то, сухие впадины, одним словом, все серое, землистое».

Любил он эти вечерние часы, когда, покуривая под хмельком, можно поразмышлять, вспомнить прошлую сельскую жизнь, своих одногодков. Все далекое в такие минуты как бы приближается, томит душу грустью невозвратности.

3.

Первым делом побывал на могилах бабки Симы и матери. Кладбище уютное, не где-нибудь на отшибе, а за алтарем церкви, под сенью старых берез. Не один век на этом маленьком пятачке хоронят сельцовских жителей, и как-то всем хватает места, хотя это объяснимо: вот в их оградке — только двое Трошиных, остальные могилы потеряны, а не станет его, Паши, и эти сравняются с землей, и во всех семьях так.

Кресты вытесывал и выстругивал сам, не больно красиво получилось, но крепко, а вот оградка подгнила и расшаталась, давно собирался соорудить новую. Постоял, глядя в задумчивости на кресты, произнес тихим голосом:

— Вы уж на меня не обижайтесь, будет у вас хорошая оградка: запасу штакетника и сделаю.

А пока привычно выгреб опавшие листья. Никто не прошел мимо, никто не окликнул его, не нарушил его отрешенности, только окна алтаря светились и днем, там была своя, непонятная Паше Трошину жизнь...

Нет теперь в Сельце совхоза, но есть предприниматель — лесоторговец Торопов Николай Андреевич. Он мог бы жить в райцентре, а обосновался здесь, где родился и вырос: сгрохал себе двухэтажный особняк из отборной сосны с башенкой наверху, откуда хорошо обозревать окрестности. Подойдешь к такому дому и сразу почувствуешь себя маленьким человеком.

В дом идти не требовалось, Трошин явился к хозяину в бывшую совхозную контору. Получилось удачно, Торопов был в настроении, руку подал как будто приятелю, поспрашивал про вертолетную аварию и на просьбу ответил определенно:

— Понятно, Паша... Надо выручать земляков... — Не договорив, принялся объяснять по мобильнику какому-то клиенту: — Доска интересуется? Тридцать пять и двадцать пять миллиметров, тоньше нет. Если у вас кругляк свой, привозите — распилим без проблем... Дороже того, что стоит, не возьмем...

Немногим старше он Паши, а приобрел брюшко, и лысинка проглядывает. Еще бы! Ему приходится кумекать что к чему, не то что простым мужикам. Побывал в районе каким-то начальником, а как началась эта перетряска, сообразил, что лучше заняться предпринимательством.

— Значит, так, — вернулся он к начатому разговору, — в лесу у меня всегда есть работа, но ты, насколько я понимаю, туда не рвешься. Шоферских прав у тебя нет?

— Нет.

— Пойдешь складировать готовый пиломатериал, грузить его, когда подойдет машина. Заработок большой не обещаю, тысяч десять — по деревне сойдет...

Недельку отдохнул Трошин, поудил рыбку в Вочеме да принялся за работу. В бригаде их четверо, за старшего (он и возрастом старший) Иван Шубняков. Дело не хитрое: необрезные доски подтягиваются на рельсовых тележках, сам Шубняков подает их под дисковую пилу, а напарник Федор Горохов протягивает дальше. Паша Трошин с Сашкой Забелиным штабеляют доски и бруски на подклады. Плохо, что пила звенит, хоть затыкай уши, зато, когда ее выключат да выйдут покурить на солнечном пригреве, наступает тишина. От досок, на которых сидят, пряно пахнет смолкой. Тут уж можно поболтать о том, о сем.

Что у мужиков на уме, когда сойдутся в минуту отдыха? Первым делом — выпивка.

— Эх, братцы, сейчас бы взять бутылек! — мечтательно вздыхает Горохов. С виду он не ахти здоровяк, щупловатый, остроносый, да и годков порядочно, но до выпивки охоч. Сведя две глубоких морщинки на переносице, все время прищуривается и напряженно помаргивает, будто решает какую-то трудную задачу.

— Вон новый какой толковый! Будет получка в пятницу, тогда и сообразим, — рассудил Шубняков.

— Это почти неделю ждать, а без поливки и капуста сохнет.

— Э-хе-хе! Сравнился!

— А чего? Гоните монету — сгоняю, — вызвался Сашка.

— По любому тебе бежать, ты самый молодой...

Позабавили себя только разговором, а деньжонок не собрали. Внимание привлекла проехавшая машина хозяйского сынка Славки.

— Хм, парню двадцать один год, а он без дела болтается, на машине разъезжает, — покачал головой Шубняков.

— Чего ему? Катается в свое удовольствие, коли папа позволяет.

- Все-таки осудительно быть захребетником.
- И в армию не ходил.
- Ну, какая тут армия?! Наверно, батька откупился.
- Говорят, Нинку Колесову он обманул, а жениться собирается на какой-то из города.
- Хорош хлюст!..

В поле зрения созерцающих критиков попадает другой объект: под горку к реке, ведя за руку девочку, спускается дачница Ольга, приехавшая к родне. Мужики знают ее имя, а большее и знать ни к чему. Несмотря на молодость, успела располнеть, так что тесно ей даже в легком сарафане. Плечи круглые, по шее стекают витые струйки золотистых волос, ноги крепкие, розовые, словом, женщина притягательная и при этом статная. Походка у нее важная: каждый шаг, будто подарок, грудь несет высоко, с достоинством.

— Идет, как баржа плывет, — восхитился Горохов и попередразнил дачницу. — Что, Саня, поманиват?

— Самого тебя поманивает.

— Не, эта не по мне, пожалуй, не справлюсь — слишком объемная, к тому же городская дама, а мы люди простые. Вон Паша знает обхождение с городскими, — успел поддеть и Трошина.

Между тем женщина пощупала воду ногой и, раскинув руки, повернулась лицом к солнцу.

— Во, в купальнике-то — полная картина. Саша, тебе бы бинокль теперь в руки.

— Сам-то чего глаза пялишь?

— Так ради интересу: за погляд денег не берут.

На то и перекур, чтобы позабавиться, сидя на штабельке досок. Поодаль слева, вдоль угора, тянется улица, из-за берез проглядывает церковный крест, как бы охраняющий Сельцо, справа широко открывается пойма Вочемы, шагает с удочкой рыбак, девочка копошится на запеске у воды, женщина продолжает загорать... После своего второго рождения Трошин смотрел на все это с особой отрадой, сознавая, что мог больше никогда не побывать в своем Сельце.

— Ладно, ребята, не наша еда виноград, — заключил Шубняков. — Кончай перекур! Снова зазвенела пила, и голоса потерялись в этом прерывистом звоне.

4.

Летом в деревне — благодать, дни длинные, теплые. Вечерком Паша сбежит к реке, поставит пяток жерлиц, смотришь, утром снимет щучку: вот тебе и пропитание на целый день.

На ягоды приезжала Галя, потом пошли грибы — любимая пора здешних жителей. Он тоже не отставал от других, как только выпадет свободное время, корзину в руки и — в бор за реку. Да еще недельку гостил Витя, вдвоем-то было охотно ходить по грибы. В осеннем лесу царит сдержанный, мягкий свет, безмолвие; бродишь среди этой тишины и забываешь обо всем на свете.

Вечером дома тоже приятное занятие — разбирать грибы, нанизывать белые на сушильные спицы, ставить их в печку: запах в избе после этого неповторимый. Трошин был приспособлен к деревенской жизни, груздей насолил не хуже любой хозяйки и даже отвез ведро в город, да еще — корзинку клюквы, ею сельцовские всегда запасаются. Жена смягчилась, когда подал заработанные деньжата.

Глубокая осень — самое скучное время что в городе, что в деревне, но тут у Паши Трошина появился другой интерес. Ехал из райцентра в свое Сельцо, вошел в автобус — Татьяна Марышева улыбается, хлопает ладонью по незанятому сиденью, дескать, садись.

Неторопливо поплыли по раскисшей дороге: мотор подвывает, пассажиры толкуют про всякую всячину, а у них с Татьяной свой разговор.

— Привет, Паша! Чего-то накупил?

— Да так... продовольствие.

— Ну-ну, ты ведь теперь на самообслуживании, — подшутила Татьяна.

Конечно, изменилась она с тех пор, как гулял с ней после армии, но по-прежнему из-под бежевой вязаной шапочки на левый висок выпадала прядка русых волос, а в глубине карих глаз таились игривые огоньки. Давно разошлись их пути, давно смирились они с этим, если так распорядилась судьба.

— Себя накормить — не проблема, — сдержанно ответил Трошин.

— А я зимние сапожки купила Иринке, ей надо одеваться поприличней.

— В редакции работает?

— Ага. Она еще в школе заметки писала, вот ее и взяли в районку.

— Молодец! — одобрил Трошин, удивляясь тому, как девчонка, которая росла вместе с его Витькой, приезжавшим на лето к бабушке, столь скоро повзрослела да еще нашла такую серьезную работу.

— Вот, смотри, какие! — Татьяна достала из пакета сапог. Трошин повертел его в руках, для чего-то расстегнул и застегнул молнию, продолжая думать о прошедшей молодости, о том, что они с Татьяной могли быть мужем и женой и тогда весь жизненный план исполнится бы совсем иначе.

— Скоро у нее день рождения — хороший подарок, правда?

Трошин кивнул, хотя сапожки никак не интересовали его, и вообще разговор был обыденным, какой бывает между людьми, ничем не обязанными друг другу.

— Значит, перестал ты летать в Сибирь, — не то спросила, не то просто отметила Татьяна.

— Пожалуй, перестанешь, если хочешь жить.

— И надолго ли в селе?

— Пока не знаю.

— Я иду другой раз, смотрю, свет у тебя в окнах: как-то непривычно.

— Зашла бы, — тихо сказал он.

— Какой ты простой! — Татьяна весело взглянула на него и повернулась к окну, как будто можно было что-то разглядеть в осенней темени.

От автобуса шли вместе. Не доходя до Татьяниного дома, остановились на минуту. Паша взял ее за руку, Татьяна остановила его:

— Паша, в селе везде — глаза. Твоя Галина далеко, а мой рядом, вон — свет в окнах.

— Вспомнил, как провожались мы с тобой.

— И мне вспомнилось, да что уж теперь... Иди, а то начнется брехня по селу. — И сама первая направилась к дому.

Этой ночью Трошин побеспокоенно вставал курить, задумчиво сидел на табуретке на кухне, вспоминал молодые годы, когда жизнь могла пойти по другому сюжету.

5.

После армии Паша Трошин остался в городе, приняли в бригаду ремонтников пути трамвайного управления: работенка не из легких, но по молодости сила была не растратчена, а главное, дали место в общежитии. И деньжата появились, в отпуск приехал в костюме, матери привез шерстяную кофту, одним словом, немного прибархлился. Даже

мотоцикл купил по дешевке, катал на нем Таньку Веселову... Ничего подобного в жизни больше не повторится. Остановятся где-нибудь на высоком берегу Вочемы и стоят, утаившись от всех, глядя друг другу в глаза. Танька, такая гибкая, жаркая, прильнет к нему, запрокинув голову, дыхание прервется в неуголимом поцелуе, голова кругом идет, сердце выпрыгнуть хочет... Но никакого баловства она не допускала, и у него намерения были серьезные.

Потом, отталкивая фарой темноту, с ветерком возвращались в село и опять, как замороженные, стояли возле крыльца, бывало, что забудутся, а уже утренняя заря начнет заниматься. В школе не очень обращал на нее внимание, а тут лишила покоя.

— Когда теперь приедешь? — спрашивала Танька.

— Как только дадут отпуск... Обожди, устройсь получше и увезу тебя в город, — обещал Паша, не очень надеясь на такое устройство, но было в этом обещании обнадеживающее утешение для них обоих.

Реальная жизнь оказалась прозаичней мечтательных порывов: суженая нашлась не в родном Сельце, а в городе. Галя тоже работала в трамвайном депо и жила в том же общежитии, где и познакомились на праздновании Нового года. Сначала попереглядывались. Паше приятно было ощущать на себе взгляд ее серых глаз с изучающим прищурцем. Потом пошли танцевать. Галя посмеивалась над его неумелостью, а он только раззадорился в своем ухаживании. Стали встречаться едва не каждый день, и дело скоро закончилось регистрацией в загсе.

Теперь они имели право претендовать на отдельное жилье и добились получения однокомнатной квартиры, в которой живут до сих пор, а при нынешней власти ни о чем ином и мечтать не приходится. Слава богу, родительская изба сохранилась, где можно отдохнуть душой.

Помнится, как он явился в Сельцо после женитьбы: Галя несла полугодовалого Витьку, он — сумки. Казалось, все односельчане смотрят и осуждают его. Стыдно было перед Татьяной, обещал взять в город, а привез оттуда жену, да еще с ребенком на руках.

Татьяна не упрекала его: встретятся, поздороваются, для приличия перекинутся парой слов, как будто между ними ничего и не было. Осенью и сама вышла замуж за Володю Марышева, не столько по любви, сколько с досады на Пашу. Так и разошлись их дорожки, будто на расстани.

Может быть, и не прогадала она, потому что Володя — мужик серьезный, вином шибко не балуется, работающий, из Сельца никуда не порывался: по нынешним неустойчивым временам так-то жить оказалось надежней.

Обо всем этом потревоженно передумал Паша, придя домой. Чтобы отвлечься, включил старенький черно-белый телевизор, но ничего интересного не нашел, сидел просто так, привалившись к столу, размышляя о том, что Татьяна могла быть хозяйкой в этой избе, но много воды утекло с тех пор, как они были молодыми; из стройной гибкой девчонки Татьяна превратилась в полномерную привлекательную женщину, взгляд ее живых карих глаз как-то смягчился. Да и сам Паша изменился. Уже сединка вкралась в волосы после той жуткой ночи в тайге. Посмотрел на свой снимок на простенке: это он фотографировался в новом костюме перед женитьбой, крепкий был парень, волосы плотной шапкой, кажутся не темно-русыми, а черными. Все это осталось как будто в чьей-то другой жизни.

«Повезло Володе Марышеву», — не без зависти и даже с неприязнью молвил он про себя, как если бы тот обокрал его. Кого было винить в этом, кроме самого себя?

6.

Осень в Сельце. С верховьев Вочемы, с северной стороны, потянуло холодом, стало прихватывать инеем землю, на лужицах заблестел тонким стеклом ледок. Ни на рыбалку,

ни в лес не поманивает; самое милое дело, придя с работы, затопить маленькую печку и сидеть возле нее на низенькой скамеечке, глядя на успокоительный огонь. От плиты, от железных рукавов скоро набирается желанное тепло. Торопиться некуда. Особых дел по дому нет, вечера темные, ночи длинные...

Вот слышались шаги на крыльце, тихонько хлопнула дверь, шаги по лестнице. Порог переступила Татьяна. Принарядилась в бордовую куртку, на ногах — кожаные сапожки, улыбается с каким-то смелым торжеством: дескать, не ожидал такого явления!

— Не запираешься в такую-то темень?

— А чего особенного у меня взять? Сейчас закрою.

Он поднялся со скамеечки.

— Не надо, я заперла. Ты ведь приглашал, вот я и пришла.

— Проходи, проходи, чай будем пить.

Татьяна задернула поплотней занавески, заглянула к нему на кухню:

— Господи, чего у тебя на столе понаставлено!

— Так ведь кухня... А мы посидим в передней. Можно выпить, если не возражаешь.

— Давай за нашу запоздалую встречу, — ободряя себя улыбкой, согласилась Татьяна.

Пили чай, сидя рядышком, глаза в глаза, наслаждаясь близостью друг друга. Вспоминалась Паше порывистая Танька Веселова, а перед ним была как бы другая женщина, с другой фамилией. Ему нравилось, как она привычно поправляла прядку волос у виска. Разумянилась, расстегнула кофточку:

— Тепло у тебя.

— Печка топится. Вообще у нас изба теплая.

— Я бывала у тети Нюры, она уж снохой меня называла, — легко, словно шутку, вспомнила Татьяна, а для Трошина ее слова прозвучали укором: сколько лет прошло, и все равно он чувствует себя виноватым перед ней. Однако оправдываться не имело смысла. Побарабанил пальцами по столу и произнес:

— Мама говаривала, прожитое — что пролитое.

— Это верно. Удивляешься, что пришла? Сегодня у меня свободный вечер: Иринка обещалась завтра, а Володя уехал в город.

— Я знаю, мы грузили его машину.

Володя Марышев работает на КамАЗе с прицепом, возит пиломатериалы на продажу.

— Смелая ты, — добавил Трошин, взяв Татьяну за руку.

— И ты, кажется, не был робким, — с улыбкой молвила она. — Пашь, давай уедем куда-нибудь...

— Ты серьезно?

— Нет, конечно, — согласилась Татьяна. — Я так, пошутила...

Тепло, уютно было в этот осенний вечер. Поднялись из-за стола и долго стояли в обнимку, как когда-то в молодости. Щелкнул выключатель света, только красновато отражались на переборке печные угли. Им казалось, что темная ночь надежно укроет их грех, но разве бывают в селе тайны?

7.

Стал Паша Трошин похаживать к Татьяне, выжидая редкие моменты, когда Володя отлучится в дальний рейс, а то и она наведывалась к нему. Казалось, все шито-крыто, благо зимой рано темнеет и поздно светает.

Однажды, придя на работу, задумчиво курил на штабельке досок. Проходивший мимо Иван Шубняков как бы между прочим обронил:

— Что, Паша, тяжело после ночной-то смены? Хе-хе!

Красноречиво так хохотнул. Трошин пристыженно насторожился, ничего не ответив. «Откуда ему известно? Не сам же выслеживал за мной, значит, кто-то поделился новостью. Кто?» — озаботился он.

Не удалось избежать молвы. Привыкнув обсуждать сельские новости, бабы судачили возле магазина:

— Вчера иду — у Марышевых ругань в дому.

— Об чем?

— Кто знает? Больше Володя выкрикивал, не шибко разберешь. Останавливаться неудобно.

— Чего знать-то? Шашни у Таньки с Трошиным. Володя бывает в отъезде, а кот из дому — мыши в пляс.

— Пожалуй, что так. Он еще после армии ухаживал за ней.

— Понятно, мужик сам по себе живет: воля кого угодно портит.

— Я бы на месте Галины не отпустила его.

— А в Сибирь-то он ездил, лучше, что ли?

— Ну, то пес знает где, а то в своем селе.

— Да что про мужика говорить? Я так Татьяну осуждаю: дело ли при живом муже хвостом крутить?..

Пришлось столкнуться с Володей. Как-то во время погрузки он остановил Трошина за машиной, где их не могли слышать при стуке дизеля, и предупредил:

— Если застану тебя с Татьяной, пеняй на себя.

— Уж больно ты грозен! — чувствуя свое превосходство в силе, ответил Паша.

Володю аж трясло от негодования, в глазах, в сжатых до побеления кулаках было столько решимости, что, казалось, вот-вот кинется в драку, но, слава Богу, обошлось без нее, только повторил угрозу гневным прерывистым голосом:

— Я свое сказал, а ты думай... Будь уверен, найду способ сквитаться с тобой, если даже сяду в тюрьму.

— Пошел ты куда подальше! — с раздражением оборвал Трошин и, едва сдерживая себя, чтобы не оттолкнуть Володю в снег, прошагал мимо.

«Угрожает хмырь! Да я тебя размажу! — горячился он. — Хорошо, что никто не слышал нас». Но что можно было доказать кулаками, если ты не прав, виноват, грешен?..

Донесли вести и до жены. В один отнюдь непрекрасный день — Паша только пришел пообедать, глянул в окно — к дому шагает часто, будто торопится куда-то Галя. Радость плеснулась и тотчас погасла, уступив место тревожному предчувствию: «Чего это она? Вроде бы не собиралась». Замер, будто в ожидании удара.

Жена вошла и сразу — в переднюю.

— Здравствуй! — сухо поздоровалась она, не назвав его по имени.

— Здравствуй! — так же коротко ответил он. — Ты как-то неожиданно...

— Это не имеет значения.

Прижалась плечом к косяку и стоит, упорно-выжидательно глядя на него. В эту минуту жена показалась Паше маленькой, беззащитной, хотелось обнять и утешить ее.

— Чего не раздеваешься?

— Приехала посмотреть в твои бесстыжие глаза, — сразу ударила Галя.

— Что ты?..

— Я-то ничего, а вот ты... — Галя не нашла нужного слова, достала из сумки листок бумаги и с гневом припечатала его к столу. — Читай!

«Галя, пишу тебе, потому что хочу предупредить, что твой Павел завел шашни с Танькой Марышевой. Об этом знает все село...» — прочитал Паша, чувствуя жар в голове. Подписи под письмом не было, значит — анонимка: нашлась какая-то «доброжелательница».

— Что скажешь на это? — припирала к стенке жена.

— Ну, гуляли мы с ней в молодости, на том все и кончилось, ты это знаешь. Что теперь, не встретиться, не поговорить? — попытался защититься Паша.

— Ты мне мозги не пудри! Уж если человек письмо прислал, значит, далеко зашло.

— Не слушай всякую брехню...

— Дыма без огня не бывает. Нам с тобой больше не о чем разговаривать, — заключила Галя, взяв листок со стола. — Оставайся здесь, я тебя на порог не пущу: завтра же врежу новый замок. А сейчас пойду к этой стерве!

— Галя!

— Была Галя, — дрогнувшим от обиды голосом ответила она.

Стукнула дверь. Проскрипели лестничные ступени. Паша, пристыженный, подавленный, замер у окна, провожая тоскливым взглядом жену, словно попрощались навеки.

Перепалка с Татьяной, видимо, была недолгой, потому что вскоре Галя прошагала по улице обратно мимо Пашиных окон. Что было делать? Выбежать, остановить ее? Не получится, только выставишь свой позор на все село. «Боже мой! Вот это влип в историю! Теперь стыдно на люди показаться, — сокрушался он, чувствуя себя как бы заточенным в собственном доме. — Какая зараза накатила анонимку? Поди угадай!»

С чувством безнадежности то вышагивал по избе, то останавливался возле окна. Потускнел солнечный день, теснота сдавливала грудь, разом почувствовал усталость, лучше чем после тяжелой работы.

8.

Наконец дождались погожих дней. На пригреве закапало с крыш, в полях слюдянисто отсвечивал снег, отполированный последними метелями, и солнце уже не просто сияло во всю небесную ширь, а прижимало к застуженной земле тепло.

Природа едва очнулась, но уже началось пока ничем не проявленное движение жизни в застывших деревьях, и люди почувствовали какое-то брожение крови, зовущее на улицу, в поле, в лес, поближе к пьянящему своей свежестью воздуху, к солнцу.

Паша любил эту светлую пору в деревне, с первыми признаками весны его всегда тянуло домой, и прежде при каждом удобном случае он стремился в Сельцо, к матери, хотя бы денька на два-три...

Вышел на крыльцо и зажмурился, постоял, привыкая к ослепительной белизне снега. У двора была свалена куча обрезков после распиловки бревен: вчера привезли ребята на тракторе, потому что не хватило ему заготовленных дров. Принялся рубить их на чурбане; такая спорая работа была ему в охотку, разогрелся, скинул фуфайку.

Увлекся, глядь, неторопливо вышагивает по тропке отец, Кузнецов Иван Федорович, мужик крупный, в лисьей шапке с кожаным верхом, черном полушубке, в большущих валенках фабричной катки. Поставил сумку на снег, снял рукавицу:

— Здорово, Паша! Трудимся?

— Да вот, привезли обрезков с пилорамы...

— Это разве дрова? Одна кора, больше дыму будет, чем тепла, — по-хозяйски рассудил Кузнецов.

Паша встряхнул пачку сигарет, отец отказался:

— Не балуюсь этим делом, да и пчелки не любят запахи. Накинь фуфайку-то — остынешь, — позаботился он.

— Нормально, погодка наладилась.

— Да-а, отогреваемся, слава Богу. — Иван Федорович приподнял шапку. — Скоро улы выставлять, а то сидим всю зиму, как в берлоге.

Паша дососал сигаретку. Поднялись в избу. Иван Федорович, не мешкая, достал из сумки банку меду, поллитровку и свиное сало. Сел на табуретку к столу, погляделся и вывел сравнение:

- Небольшая у вас избенка против моей-то.
- Нам хватает, семья невелика.
- Узнал, что ты живешь тут, решил проведать. Что не являешься в Будилово?
- Чего я там забыл?
- Чай, не чужие мы с тобой, — посетовал Иван Федорович.
- Что теперь, если жизнь прошла порознь? Ладно, батя, за встречу!

Звякнули стопками, пожевали шпиг. Паша разглядывал отца, стараясь угадать в нем собственные черты, хотя и сам знал, и люди всегда говорили, что он похож больше на мать. Иван Федорович то степенно поглаживал седые, но мало поредевшие волосы, то, подперев сильной пятерней подбородок, задумывался и тоже со вниманием поглядывал на Пашу, словно сомневаясь, что перед ним сидит сын.

— Говорят, тут у тебя неприятности получились? — Иван Федорович неопределенно ткнул большим пальцем за плечо.

— Гм! И до Будилова донеслось! — едко хмыкнул Паша.

— Плохие вести не лежат на месте.

— Приезжала на днях моя, растрезвонила на все село. — Паша недовольно поморщился и торопливо налил по новой, чтобы как-то заглушить совесть.

— Сам виноват, обидел жену... Будь умен, — наставительно заметил Иван Федорович.

— Тебе ли говорить об этом? Мама раньше срока умерла, я вырос безотцовщиной, — не удержался от упрека Паша.

Иван Федорович продолжительно, с какой-то тоскливой болью посмотрел на него, видно было, что тяжело ему снести такой удар, даже желваки задержались. Попытался оправдаться не только перед сыном, но и перед собой:

— Я оступился в молодости, а ты семью имеешь, мужик в серьезных годах. Ну, казни теперь меня, высказывай, имеешь право! Только мне и самому нелегко носить всю жизнь такой грех. Понимаю, что никто мою вину перед Анной и перед тобой с меня не снимет.

Невеселая получалась беседа, да и не рассчитывал на нее Иван Федорович, когда направлялся в Сельцо. Долгое время не виделись, а встретились без какой-либо радости. Что поделаешь? Разбитый горшок не склеишь.

— Ладно, батя, не будем берeditь старое, — примирительно сказал Паша.

— Ты и меня пойми, Павел, один я остался в своем большом доме: Катерину похоронил в прошлом году, дочки обе — в городе. Вот ты все — батя да батя, как будто чужие мы с тобой, — посетовал Иван Федорович.

— Да уж так получается...

И в самом деле Паша почти не знался с отцом, жившим в Будилове другим семейным интересом. Язык не поворачивался назвать его папой. Была и останется обида за униженное детство, за поломанную судьбу матери. Вот сидят они за столом, выпивают, разговаривают, а близости все же нет. Однако делить им нечего, надо как-то поддерживать нормальные отношения.

Словно соглашаясь с его мыслями, смягчив сердце выпивкой, Иван Федорович продолжал:

— Все же побывай как-нибудь в Будилове, я буду рад. У меня много разного инструмента, рыболовных снастей, мотоцикл давно стоит без дела: возьми чего надо. Какой я нынче рыбак или мотоциклист?

Встав из-за стола, Иван Федорович поразглядывал семейные снимки Трошиных, молча повинился перед Анной и, уже надевая полушубок, высказал совет:

— С женой разлад ликвидируй, в ноги ей упади, а помирись. — Не дожидаясь ответа, добавил: — Ладно, пошел я. Не забывай дорогу в Будилово.

Тяжелые шаги по лестнице удалились, бухнула дверь, тихо стало в избе. Паша забывчиво постоял у окна, глядя вслед постаревшему отцу: все же шевельнулось в сердце что-то трогательное. Как ни крути, одна кровь. Поддел ложкой меду, не спеша пробуя его на вкус. Сладкий подарок. Каким памятным счастьем было бы, если бы отец принес эту банку в детстве!..

9.

Март на исходе. Ясные, приветливые выстоялись дни. Кажется, самому солнцу весело в просторной небесной голубизне; даже когда уйдет оно за горизонт, еще долго плавится над лесом широкий огненный закат, и странно видеть в той вечерней стороне, в непотускневшем бирюзовом небе самую яркую звезду всех времен года, свет которой кажется каким-то торжественным и досягаемо близким.

Скворцы еще не прилетели. Первым настраивает свою барабанную дробь пестрый дятел, то ли живущий в Сельце, то ли появляющийся здесь, как вестник весны: бодрое получается начало. Потемнели дороги, пообтаяли крыши, зашевелились люди, освобождаясь от зимних одежек.

В такую пору трудно усидеть в избе. Пашу поманивало на реку, закинул за спину приготовленный с вечера рыбацкий ящик, взял под мышку ледобур и пошастал на лыжах к дальнему Круглому омуту: всегда кажется, что, чем потаенней место, тем больше рыбы.

Направился напрямиком через длинное поле. По насту шагалось легко. Иногда останавливался, шурясь на ослепительный снег, прислушивался к тетеревиному бормотанью. Большое, еще нераскаленное солнце катилось сбоку, в лесу оно потерялось, здесь утомляли глаза синие тени и царила глубокая тишина, только слышно было, как поскрипывают ремешки лыж. Под пологом елей и сосен продолжал прятаться неуступчивый морозец, и воздух был по-зимнему резкий.

Не теряя ориентиров, иногда подходил к речным излучкам. На быстринах Вочема освободилась ото льда, а кой-где даже проступили забереги. Узкая промоина вклинилась и в Круглый омут, где уже побывали рыбаки, натоптали тропку по ледовому мостику, сохранившемуся над промоиной. Паша благополучно перешел по нему на противоположную сторону, где оказалось больше насверленных лунок. Опустил в лунки две удочки и стал наблюдать за кивками, сидя на ящике.

Поклевки были редкими, тем не менее кучка плотвиц на льду прибавлялась. Солнце играло вовсю, так что к полудню стало пригревать, хоть скидывай фуфайку. Было удовольствием просто посидеть на любимой реке, а тут еще удалось выудить на жерлицу щучку. Приятное занятие, за которым не замечаешь, как проходит день.

Паша спохватился идти домой, когда было уже часов шесть вечера. Поскольку ледяной мостик через протоку мог ослабнуть на дневном пригреве, на всякий случай сначала перекинул на другую сторону бур и ящик. «Люди тут ходили пешком, а уж на лыжах проскочить проще», — рассудил он.

Увы, проскочить не удалось. Мостик рухнул под ним, Паша соскользнул с лыж назад, в полынью: спасло то, что предусмотрительно отстегнул ремешки креплений. Выбрался грудью на лед, отчаянно ботая ногами, но кромка льда обвалилась под ним. Пришлось повторить попытку, продолжая ботать тяжеленными валенками, боясь неосторожным движением снова обрушить кромку, а еще сковывал страх того, что может затянуть под лед.

Кой-как вскарабкался на берег, с ужасом глядя на черную воду, качающуюся в полынье. Вместе с ней качались лыжи, зацепившиеся носками за противоположный край

льда. Надо было их доставать, потому что без лыж его ждала погибель и на берегу: снег глубокий.

Сломал длинную иву, стал ползком подбираться поближе к лыжам, опасаясь снова рухнуть в воду. Цепляя лыжи за ремешки, слава Богу, выудил их из полыньи. Дрожа от холода, торопливо выжимал одежду, но много ли тепла, если она и валенки мокрые? У фуфайки остались сухими только плечи. Ледобур и ящик с уловом — на домашней стороне, а он сам растерянно топтался на противоположном лесном берегу. Боялся еще раз ступить на лед, поэтому решил идти не к себе в Сельцо, а к поселку лесозаготовителей, до которого было немного ближе.

Отыскал заброшенную дорогу, старательно направился по ней, сознавая, что теперь можно спастись только непрерывным движением, но в мокрой тяжелой одежде, на мокрых лыжах при всем усердии подвигался он медленно. Наст в лесу был совсем слабый, лыжи вязли в снегу. Приходилось спорить с усталостью. «Нельзя останавливаться, нельзя! Только бы добраться до жилья. Господи, помоги мне!» — твердил Паша, замечая, как в лесу густеют ранние сумерки.

Вскоре стемнело, и звезды проклюнулись над просекой. Из-за этой темноты и подстерегла его беда, когда съезжал в овражек: лыжа зацепилась за сучок вылежины, Паша уткнулся в сугроб, и в этот момент отломился носок лыжи. Теперь вовсе была не ходьба, а мучение, сломанная лыжа утыкалась и зарывалась в снег.

Наконец послышался обнадеживающий лай поселковых собак, и все же долгим показался ему оставшийся путь, к тому же стало подмораживать, и фуфайка на нем вскоробилась, начала леденеть снизу. Выбившись из сил, он совсем бросил лыжи, как надоевшую обувь, и побрел напрямую к ближним огням. Перевалился через какую-то треснувшую под ним изгородь, тотчас встревожились собаки, подбежали люди с фонариком.

10.

Утром, узнав о том, что Паша Трошин не вернулся с рыбалки, встревожилось все Сельцо. Отправились по его лыжному следу и, найдя ящик с ледобуром, посчитали Пашу утонувшим. Только и разговору было про нечаянную беду, мол, что да как могло случиться. Уж собирались известить Галину.

А под вечер невредимого Пашу доставили из поселка на машине, и в окнах его избы привычно зажегся свет. Только не прошли даром купание в ледяной Вочеме и долгая ходьба в мокрой одежде. На другой день поднялась температура: как только окутывался одеялом, бросало в жар, а без него ознобно потрясывало.

После работы зашли Иван Шубняков, Федор Горохов и Сашка Забелин, любопытствовали про его приключения. Конечно, посочувствовали, но тут же, расположившись, как дома, распили бутылку водки, дескать, за спасение и выздоровление. Повеселели, стали подшучивать друг над другом и Пашей. Сашка по привычке завернул байку:

— Встретились два охотника. Один убил двух зайцев, спрашивает другого: «А ты?» «Десять ежиков», — отвечает. «Это зачем?» — «Жене — на воротник, теще — на стельки».

— О-хо-хо! — загоготали, забыв, по какому случаю явились. Даже Паша тихо посмеялся в постели, нисколько не осуждая приятелей.

— Все же везучий ты, Паша, опять спасся, — сказал Федор Горохов, — считай, дважды заново родился. Как говорится, третьего не миновать...

— Тьфу! Тьфу! — остановил его Шубняков. — Постучи по дереву!

Дружно постучали по столу.

— Другому бы ни за что не выбраться из полыньи: только представить себе — фуфайка, валенки, все намокло, тяжеленное, да еще — жуткий холод. Бр-р! Мы уж попрощались с тобой, когда увидели на омуте брошенные вещи: шапки сняли и стоим.

— Долго жить будешь, — добавил Сашка

Надымили куревом полную избу, пожелали выздоровления и ушли, считая, что теперь он под родной крышей, значит, в безопасности.

Поздно вечером навестила Татьяна. Придвинула табуретку к кровати, Потрогала прохладной ладонью Пашин лоб.

— Ой, как тебя разгасило! — Пооткинула одеяло. — Что делать-то? Медичку из Спаса привезти? Она молоденькая, только назначена, мало чего понимает.

— Подожду утра, может быть, полегчает. Не надо было тебе приходиться: не нужны лишние разговоры по селу.

— Я на минутку, по-моему, никто не видел, — успокоила Татьяна.

Навела порядок на столе, напоила Пашу чаем с медом и клюквой.

— Выпей побольше, тебе надо пропотеть. Завтра пришло Давыдиху: чем-нибудь по-может...

Ночь Паша не сомкнул глаз, но, измаявшись, все же забылся на короткое время, и привиделся ему сон, будто стоит он под окнами не зимой, а в жаркий летний день и видит, подходит к нему вахтовый мастер Василий Зыков, в камуфляжной робе, в большущих резиновых сапогах. При этом подумалось: «Неужели не жарко ему?»

— Как поживаешь, Паша? — будто с укором спросил Зыков, мол, все погибли, а ты умудрился уцелеть.

— Здесь, в Сельце, пока. Заходи, посмотришь.

Направились в дом.

— Вы-то как там? — любопытствовал Паша.

— Хорошо у нас. Видишь монастырь? Тут рядом, побывай как-нибудь.

Шли в избу, а оказались опять на улице, где вместо сельской церквухи, как наяву, виднелись золоченые кресты и купола монастыря. И белая-белая ограда вокруг него. Даже во сне Паша засомневался, чтобы такой великолепный монастырь мог находиться у них в Сельце. Зыков между тем уже удалялся в сторону монастыря. Хотелось остановить его, но крикнуть не получалось, мешало какое-то удушье...

Проснулся Паша в поту, с чувством разочарования по исчезнувшему чудесному видению монастыря, но после некоторого размышления это чувство сменилось тревогой, поскольку вспомнилось, что увидеть во сне церковь — к терпению, а самое главное, никто из сибирских бригадников ни разу ему не снился, и вдруг пожаловал Василий Зыков. «Это душа его явилась ко мне, — расшифровал сон Паша. — В какой-то монастырь приглашал, хорошо, что я не пошел за ним».

Нащупал нательный крестик и перекрестился. Оберегает-таки ангел-хранитель: второй раз спасает от смерти. Дернуло же Горохова за язык пророчить, мол, третьего не миновать. Неужели и в самом деле преследует рок? Господь наказывает меня за грехи, скорее всего так... Закрывал глаза и снова видел за белой стеной сияющие купола монастыря, словно в реальности возникшего в конце сельской улицы. Непонятно было, почему такое красивое видение — к терпению?

Так и получилось. Температура не спадала, казалось, сделалось горячо даже в глазах. Он поднялся, побродил по избе в валенках, но от солнечного света в окнах закружилась голова, вернулся в постель.

Обрадовался, когда пришла Давыдиха, которая умела врачевать и людей, и скотину. Иные считали ее колдуньей, только зря, потому что она была обыкновенной знахаркой. Это нынче в любой рекламной газете наперебой предлагают свои услуги разные, якобы потомственные, целители, гадалки, прорицатели и прочие шарлатаны. Для Сельца оказалось достаточно Давыдихи, знающей травки и некоторые наговоры. Конечно, и такое веданье не без греха, но что поделаешь, если одно без другого не бывает?

— Как ты, Павел Иванович? — уважительно повеличала старуха. — Надоть так оплошать! И кто придумал эту зимнюю рыбалку? — ворчала она, внимательно глядя на него. — Куда тебя понесло на Круглый-то омут?

Глаза у Давыдихи какие-то нездешние, когда-то были черными, теперь выцвели, но сохранили пронизательность.

— Не знаю, тетя Шура. Сильно простудился. Я уж зарок дал: больше зимой на реку — ни ногой.

— Раньше никто зимой-то не ловил: есть, что ли, нечего? — Пощупала сухими пальцами руку и лоб, велела повернуться спиной. Принялась втирать какую-то пахучую жидкость. — Пощиплет немного, потому как скипидару добавлено. А грудь понатираешь сам: пузырек оставлю.

Отошла со своей сумкой на кухню. Слышно было, как бормочет там:

— Мать всем травам плакун-трава, помоги рабу божию Павлу... — Вынесла заварной чайник: — Пей этот сбор — хорошо помогает: от земли — трава, а от Бога лекарство.

Принялась заговаривать, стоя возле кровати:

— Ты, злая трясовица, уймись, а не то проклянущу в тар-тарары... Ты, огневица, охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами. Немочь и простуда, отвяжись от раба Павла моим крепким словом...

Поверил Паша в бабкины снадобья, натер себя настойкой, напился травяной заварки и несколько успокоился, дожидаясь результата. И все же невозможно было уснуть, лезли в голову, перебивая друг друга, разные мысли: то думал про Татьяну, то повторял свой разговор с женой, то с ужасом вспоминал роковое купание в Вочеме. Могло затянуть под лед и — каюк. Жуть!

Отец Михаил говорил: «Кого Господь любит, тому посылает испытания, и он же дарует спасение».

«За что любить-то меня, если церковь рядом, а я сходил в нее всего один раз и то не мог выстоять службу и ничего не понял в ней? Крестился в сорок пять лет, а что проку-то?» — признавался себе Паша.

Лежал с открытыми глазами. Месяц позаглядывал в окна и то ли скрылся за домом, то ли потускнел перед рассветными сумерками. Вот уж совсем разбрежилось, однако и новый день не сулил ему ничего хорошего, потому что по-прежнему бросало в жар. От Давыдихино лечения не стало легче, нужна была больничная помощь.

Утром, пока сын не ушел на работу, позвонил ему, дескать, договорись с начальством, чтобы разрешили съездить в Сельцо. Оставалось ждать приезда Вити, это было надежнее всего.

11.

Приходил Торопов, предлагал отвезти в райбольницу, Паша отказался, сказав, что ждет сына. Долгим показалось это ожидание.

Витя прибыл во второй половине дня, легко взбежал по лестнице: спортивный мальчик, на полголовы выше отца, в любом деле проявляет мужскую хватку.

— Здорово, пап! Чего случилось?

— Пошел рыбачить на Круглый омут, по глупости провалился в воду, а до дому не вдруг доберешься, сначала побрел в поселок...

— Как чувствуешь себя?

— Скверно, Витя. То в жар, то в озноб кидает, температура...

— Одевайся помаленьку да показывай, что из вещей взять с собой.

— А как мать отнесется к моему приезду?

— Конечно, она в большой обиде на тебя, но не будет же скандалить с больным: выздоровеешь — разберетесь, не мне вас учить, — как серьезный посредник рассудил Витя. — Когда собирался ехать, она наказывала, чтобы мы не забыли все выключить, хорошо запереть дом.

«Понятно, что переживает за мать, держит ее сторону и осуждает меня, только не выказывает этого», — отметил Трошин. Пока одевался, сын складывал в сумки вещи. Обычно кое-что получше припрятывали, на этот раз было не до того. Паша терпеливо сидел в машине, пока сын проверял все в избе, вывертывал электропробки.

Возле машины топтался Вася Гаврилов, он думал, что Трошины задержатся до утра, намеревался поболтать и, может быть, посидеть за столом, теперь же только высказывал сочувствие:

— Да-а, Паша, видишь, как получилось! Где беде быть, там ее не миновать. Не поддавайся хвори, поправляйся, выздоравливай. Чай, в городе медицина поможет. Теперь уж на тепло повернуло, Бог даст, скоро увидимся.

Трошин слушал его рассеянно, только вяло помахал рукой, когда машина тронулась. Вначале притряхивало, а по шоссе покатались ровно. Низкое солнце светило в боковое окно, зажигало снега, так что в глазах возникала резь. В кабине скоро набралось тепло, впору было скинуть куртку.

— Пап, не расстегивайся и шапку не снимай, потерпи, — заботился Витя.

Закрыв глаза, Трошин ехал в полудреме, в таком настроении, как будто попрощался с Сельцом навсегда. Вспомнил, что так и не удосужился поставить новую оградку на могилах бабки и матери. «В лесу живем, на лесопилке работаю, можно было заготовить материал», — стыдил он себя.

Постепенно мысли его обратились к городу. Что ждет его там? Как помириться с Галей? Сказанное сыном несколько обнадеживало, но грех перед ней вряд ли останется прощенным. Было тяжело даже сидеть, хотелось лечь, однако он не жаловался, чтобы не отвлекать сына. «Уж не воспаление ли легких у меня?» — настораживался.

Вот уж свет фар закачался над просекой, позади осталось больше половины пути.

— Хорошо ты вздремнул, — заметил Витя.

— Да я так, только глаза закрыл.

— Ничего, сейчас приедем домой, — подбадривал сын. — Утром отвезу в поликлинику.

— Как дела у вас с Валеями?

— Нормально. Мы больше у них находимся: родители относятся ко мне хорошо.

— Ничего нормального в этом, Витя, нет. Распишитесь, как положено.

— Успеем. Нынче многие так живут.

— Пусть живут, это не пример для тебя. Подумай.

— Ладно, — отнекнулся Витя.

Мотор продолжал убаюкивать. По сторонам дороги стеной тянулся обтаявший ельник, настойчиво прошивали темноту фары, иногда резко вспыхивали встречные, и казалось, дорожной просеке не будет конца.

Утомляла не только болезнь, но и беспокойные мысли. Вроде бы можно считать себя удачливым человеком, поскольку какая-то сила оберегает его, а с другой стороны, преследует роковое невезение. Снова вспомнил обеспокоившие слова Феи Горохова. «Поди угадай, какие опасности подстерегают в жизни, — раздражительно думал он. — Судьбу не выбирают, и, как она распорядится, не дано знать никому».

С верхотинки показались огни города. Как переступить порог квартиры? Как примет Галя? Как посмотреть ей в глаза? Хорошо, что в дом они войдут вместе с Витей. Предстоит тяжелый разговор с покаянием, а еще будет суд совести.